

МАРИЯ ОРЛОВА

Баден-Баден

Вот уже полтора года живу я в этом красивом, зеленом курортном, провинциальном, холодном и чопорном городишке.

“Здесь русский дух...” Буйные леса и быстрые ручьи, окаймленные облачками незабудок, тишина и величие огромных вековых деревьев; луга, благоухающие весной, где можно упасть на траву и смотреть в высокое небо... Баден лесной дорог мне, с поваленными соснами, звериными тропами, настоящее Кашеево царство. Здесь живут олени, косули, кабаны, прыгают белки и фыркают ежи. Тургенев в течение семи лет бродил тут с собакой по окрестным лесам и горам, искал, думал, страдал. Он чувствовал себя здесь русским, потерянным и оторванным от корней...

Это чувство родства с ним дает мне силы жить здесь. Элементы русской архитектуры — резные деревянные балкончики и наличники — напоминают Абрамцево, белоснежные и бледно-розовые усадьбы, заросшие сиренью, возвращают меня в нашу тихую подмосковную жизнь.

Из влажной туманной зимы, из голубой мглы и одиноче-

ства Баден в апреле возрождается безграничными полями огромных сиреневых крокусов и пением птиц. Затем вылезают стайки белоснежных нарциссов (особенно романтических, с маленькой красной серединкой, пахучих, моих любимых). Наконец, преклоняет свои ветви к воде розовая махровая сакура, и все деревья вокруг превращаются в огромные белоснежные кораллы... Потом наступает время азалий и магнолий, ярких, порою даже крикливых цветов. Перламутровые весенние вечера с волшебными ароматами... Все это чудное время возрождения проносится мгновенно. Затем наступает лето с пышной зеленью и синими горами, жарой и обильными дождями. Появляется разнообразная публика, заполняющая собой аллеи парков. Листья каштанов, побуревшие по краям, склоняются к воде, в которой плавают бесчисленные утки, и то тут то там стоят цапли. На Лихтентальской аллее открывається сезон георгинов, от самых нежных персиковых и лиловых до черно-бордовых. Пластмассово-прекрасные цветы продержатся до октября...

Зимой Баден вымирает. Особняки покинуты, ставни опущены, доцветают последние розы в парке, и по ночам в лесу жалобно по-женски кри-

чит птица Сирин. Архитектура Бадена несколько однообразна, но мила. Старинные виллы с кариатидами и овальными окнами, с коваными балконами и террасами, в основном в три этажа

По невероятному везению, мы с Йохемом и собакой поселились на одной из этих вилл — вилле Хиршену. Она была построена в 1898 году еврейскими банкирами. На третьем этаже располагалась маленькая синагога. Местоположение виллы очень выигрышное. Она стоит на холме в 3-х км от города, и с балкона в ясную погоду можно разглядеть все основные достопримечательности Бадена. Прекрасные восходы и закаты, а также ночное небо, усеянное звездами, в нашем распоряжении.

После войны вилла переходила из рук в руки, сейчас она принадлежит какому-то азербайджанскому предпринимателю.

Мы живем на высоком втором этаже (потолки тут 4,5 метра), всюду огромные окна, и от этого вначале у меня было ощущение неуюта. Белые стены и двери, напоминающие двери в старых московских больницах. Бордовые бархатные занавески, пальмы в горшках, лампы в стиле Тиффани. Йохем захотел сделать охотничью гостиную с ружьями времен Второй мировой войны, огромными лосиными рогами и шкурами. Я дополнила ее несколькими картинами: “Белая лошадь”, “Лев и волк” и “Похищение Европы” Серова — почему-то захотелось сделать копии. Видимо, большее странство вызывает желание

писать большие панорамные пейзажи, с небом и далями.

Зимой тут холодно и неуютно — не натопишь. Раньше были печи и камины, теперь о них можно только мечтать. Я собирала мебель и лампы по блошиным рынкам, пытаюсь воссоздать атмосферу старого дома. Старинные гравюры и книги здесь ничего не стоят: за 10 евро можно купить Библию с иллюстрациями Доре или за пять евро — полное собрание сочинений Гёте 1880 года.

Рядом с нашей виллой ходят конюшни и сумасшедший дом. Бывает, просыпаешься от цокота копыт или от протяжного крика какого-нибудь страдальца. Лошадей много, породистых и не очень, каждое утро их отводят на выпас. Иногда попадают очаровательные жеребята, которые ни на шаг не отходят от матери.

Недалеко от нас огромный монастырский луг монастыря XIV века Лихтенталь, в честь которого названа главная баденская аллея. В прошлом весь луг принадлежал монастырю, там сеяли кукурузу и пшеницу. Теперь часть луга принадлежит собакам, а часть предназначена для детей. Нередко там прохаживаются и пациенты из сумасшедшего дома. Однажды, выведя на прогулку нашего пса, я познакомилась с одной милой женщиной восточного вида, обвешенной множеством пестрых бус. Она подошла ко мне и сказала: “У вас такие же печальные раскосые олени глаза, как и у меня”, — и заплакала.

Более непослушного и своего нравного создания, чем наш пес, не сыскать. Охотник, дам-

ский угодник, бесстрашный преследователь и нежный верный друг. Охота у него в крови (эрдельтерьеров выводили в Англии для охоты на выдр и прочих водоплавающих), поэтому при каждом удобном случае он удирает в лес, гоняется за косулями и лает, так как не может за ними угнаться. После получаса такого бега он прибегает бездыханный, падает на траву и не может отдышаться. Постоянно ест свежую траву и пьет воду из ручьев и рек, которых, к счастью, тут много. Однажды его увидел в лесу наш сосед — молодой парень — и не поверил своим глазам: бежит косуля, а за ней волк... Не сразу он понял, что это не волк, а наш Юма. В лесу множество кабаньих следов и лежек. Я всегда чувствую себя в лесу как дома, но однажды, увидев в 20 шагах огромного кабана, пересекающего тропу, испугалась. И вот по этому горному лесу, чащобам и буреломам, носится Юма, высунив язык и не помня себя от счастья.

Дома же, наевшись до отвала, развалившись по-барски на хозяйской кровати, подставляет пузо: почесать. Еду раз в две недели для него готовит Йохем. Рис, мясо, овощи, витамины. В огромном тазу все это перемешивается, раскладывается на порции и засовывается в холодильник, после чего Юма встает в таз и тщательно вылизывает его изнутри.

Йохем — мой друг и спутник. Толстый, мягкий, беззащитный — вспоминается Григорий Остер: “тормозите прямо в папу, папа добрый, он простит”, — с детскими голубыми глазами. Возвратившись

домой после очередного ночного дежурства на “скорой помощи”, вздыхает и бормочет: “Стресс, стресс...” Собаку любим безмерно, называет лучшим другом, засыпает лишь при условии, что Юма лежит у него под боком. Любовь их глубока и взаимна. Юма ждет по вечерам знакомого шороха колес по гравию, вскакивает и бежит к двери лаять-петь особенным голосом. Юма вообще обладает мощным баритоном и перепоеет любую сирену “скорой помощи”.

Про собачий луг стоит рассказать отдельно. Два раза в день, в 8 и 18 часов, там собираются все окрестные собачники. Это всевозможные дамы с мальтийскими терьерами, хаски, лабрадорами и лысыми собаками и собачками. Но есть и модники: любители дворняжек, подобранных на дорогах Европы. Дамы визгливо дрессируют их, пытаясь превратить в утонченных аристократов. Первая ошибка, которую я допустила: появилась на лугу в простой одежде и без макияжа. Как это?! В Бадене?! В 7 утра все уже крашены и обуты в новенькие резиновые сапоги от “Гуччи”! Вторая моя ошибка была совсем непростительной: я попыталась одну милую, как мне показалось, даму пригласить на свою выставку. Иностранка?! Русская????!! С тех пор она обходит меня стороной. Сухие кивки и сдержанные приветствия — вот мой удел, войти в высшее “собачье общество” не удалось.

Частенько на лугу появляется дама с 70-килограммовым мастифом, которого она нежно называет “Мойзе-мышка”,

не обращая внимания ни на кого вокруг. Почти каждый день я встречаю почтенную 80-летнюю баронессу с идеально уложенными волосами и в белом пальто, безупречно воспитанную, в отличие от ее черной твякающей собачонки (тут собакам лаять не полагается). Часто встречается еще одна пожилая дама с двумя белыми псами и компаньоншей, с которой они тщательно обходят весь луг в поисках свежих собачьих какашек (а ну-ка, кто не убрал?!).

Если я прихожу домой после очередной прогулки в хорошем настроении — это чудо. Почти всегда находится кто-нибудь, готовый его испортить. То Юма помочился не на том газоне, то прошел под чужими окнами (третий раз за этот год!), или стал чаще лаять, и сосед это заметил, а я должна строже воспитывать свою собаку, к тому же здесь, около реки, ей можно стоять, а через полтора метра — уже граница — там только на поводке (иначе штраф 40 евро), а уж собака, гуляющая в лесу без поводка, подлежит расстрелу, да еще штраф с хозяина 3000 евро. Мы живем у леса, но не можем пойти с собакой в лес!!! В лесу в любой момент может появиться егерь с хлыстом, однажды такое произошло, и с тех пор пес при появлении чужих мужчин испуганно прижимается к земле. Я тоже прижимаюсь, но внутренне, и этого никто не видит.

Однажды, по совету соседей, ранним солнечным майским утром отправились мы с Юмой в заброшенный городской яблоневоый сад, где яко-

бы можно было взять в аренду пару яблонь (ухаживать за ними и потом собрать с них урожай). Проходя по серпантину на горке, я внезапно увидела троих мужчин в черных костюмах. Сразу возникло чувство опасности. “Фашисты”, — сказала я себе и повернула на соседнюю дорожку. Меня горланно и резко окликнули и приказали покинуть сад. Я немного отошла в сторону, решив пропустить их — они направлялись к выходу. Они прошли мимо, прямо передо мной захлопнули ворота и закрыли на замок. Потом уехали в машину и уехали. Я не знала, что делать — вокруг забор. Начала искать в нем дырку, через 15 минут развинчивания колючей проволоки руки были все в крови, но дырку размером с собаку я уже проделала. Оставалось немного. Тут подъехал некий мужчина на велосипеде, открыл ворота и, пряча в воротник удовлетворенную улыбку, спросил: “А что это вы забор портите?”

Ощущение бессмысленности многих запретов, беспричинного страха преследует меня повсюду. Встреченный в лесу или в поле человек ощущается как угроза. Мною владеет непонятное чувство вины и неизбежного очередного промаха. Каждую минуту ощущаешь мертвенное дыхание закона, и там, где жизнь секунду назад казалась прекрасной и свободной, может вдруг вспыхнуть скандал, грозящий вызвать полицию или даже тюрьмой. Здесь не мелочатся и не предупреждают ни о чем: ордуниг — это религия. Немецкий закон предполагает непрерыв-

ное моральное давление и повсеместный контроль. Когда я устроилась работать с детьми (кружок при бассейне), оказалось, что я должна следить и за родителями: куда они идут и насколько. То есть я должна быть шпионом...

Я не могу преодолеть страх, не решаюсь писать этюды на улицах, не могу по-настоящему углубиться в работу и созерцание. Кто-то даже предупредил меня, что нужно получить разрешение, чтобы рисовать на улице. Вот так. Только дома, уходя в книги, в рисование, в музыку, в любимые фильмы, я могу временно забыть о напряжении и чуждости мира, в котором живу.

Больше половины людей, которых я встречаю на улицах Бадена — это тощие немецкие старухи (тощие не от болезни, дело в моде) в спортивной одежде самых дорогих марок, все коротко стриженные крашенные блондинки, с силиконовыми губами-пельменями, пластиковыми зубами неимоверной белизны, в огромных очках и шляпах, с ужасными морщинистыми руками в бриллиантовых кольцах, со сто раз прооперированными на ногах венами и в белоснежных кроссовках. Белизна зубов полностью соответствует белизне кроссовок.

Сидя дни напролет в кафе, они, в общем, ни о чем не говорят, только злобно оглядывают окружающих. Круэллы Баден-Бадена. При “похолодании”, когда температура падает до плюс 10, они срочно водружают песцовые шубы розовых и бирюзовых тонов на свои “хрупкие” плечи. За по-

следние дни две такие дамы бросились одна — с крыши старого замка, другая — с крыши дорогого магазина. Похоже, им не так уж весело.

Респектабельные немцы средних лет в дорогих джинсах, белых рубашках и пиджаках (часто красных или розовых) ведут под руку малазийских женщин неприглядной наружности, похожих на робких обезьянок. Их выписывают из-за границы в качестве обслуживающего персонала.

Мрачные толпы женщин в черных балахонах и в забралах атакуют Баден в августе. Только их ярко сверкающие любопытные глаза выдают интерес к жизни. Это жены и любовницы арабских шейхов, уже выкупивших здание нового баденского замка и грозящихся построить новый самый дорогой отель в мире. Женщины фотографируются на фоне баденских достопримечательностей, не снимая забрала.

В центре Баден-Бадена не просто найти продуктовый магазин, торгующий скучными, но необходимыми продуктами, повсюду лишь рестораны и кафе. Однако два раза в неделю на центральных площадях можно купить свежесрезанные душистые розы и клубнику. Дорого, но запах! Эти розы — победители многочисленных конкурсов — растут в горном розовом саду Бадена, куда нужно долго карабкаться, прежде чем насладиться их красотой и ароматом.

Вообще Баден-Баден находится в ущелье среди гор Шварцвальда, и центр города

лежит в самой его ложбине, а все остальные дома и достопримечательности расположены на горах. Для меня, любительницы каблуков, было не просто влезть в обычные кеды, чтобы ходить по городу — то в гору, то с горы — по 5—10 км в день. Мой любимый велосипед мало может помочь — сплошные подъемы и спуски. Климат тут неважный(!!!), как говорят в один голос врачи! Влажность, туманы и плесень — главные враги домов и людей. “Летняя столица Европы” — Баден — хороша только летом, и то лишь в изнуряющую городскую жару.

Самое притягательное место Бадена, конечно, — казино. С начала XVIII века Баден приобретает популярность у русской знати, так как баденская принцесса Луиза вышла замуж за русского царя Александра I. Согласно ее высочайшему повелению все должны были посетить ее родину. Так и поступило множество знаменитых русских фамилий, таких, как Меньшиковы (кстати, Меньшиков основал до сих пор популярные скачки в Иффенхайме), Гагарины, Волконские, Трубецкие... Княгини Трубецкая и Гагарина заложили первый камень в русской церкви Преображения Господня, иконостас которой сделан в стиле росписей Васнецова. Здесь, за год до смерти, был крещен мой отец.

В XIX веке здесь побывали почти все знаменитые русские писатели: Тургенев, Толстой, Достоевский, Жуковский, Гончаров, Вяземский. Все они увлечены игрой в “самом красивом (по словам Марлен Дит-

рих) европейском казино”. Казино действительно очень красивое. Росписи и барельефы в стиле французских дворцов. Самый роскошный — Флорентийский зал. Оказавшись там на экскурсии и рассматривая огромные зеркала и золоченые скульптуры, я вдруг наткнулась на странный объект прямо в центре одного из залов — застекленную витрину с грязными, вывернутыми наизнанку носками. То был художественный объект — носки одного из миллионеров: по всему городу проходила выставка “Деньги”, и это был один из экспонатов...

Но все же самыми интересными экспонатами являются сами игроки! Если вспомнить Гоголя, Достоевского, да что там — “Пиковую даму”, вы сразу узнаете всех персонажей, достаточно зайти в казино на полчаса! Те же безумные, с остекленевшим взглядом и сжатыми кулаками, молодые и старые, зачарованные игрой люди. Встретился как-то бледный юноша в инвалидном кресле, который неотрывно следил за вращением рулетки. Частенько там фланирует пожилой господин в зеленом костюме с лихо закрученными рыжими усами. А ставки — десятки и сотни тысяч евро.

При казино действует танцбар, скорее похожий на самый захудалый, пошлый бар в провинциальном российском городишке, с ярко-неоновой светомышкой и девками, дергающими бедрами под фонограмму. В подвале зал игровых автоматов, где один раз в месяц разрешен бесплатный вход с бокалом шампанского за счет заведения.

В такие дни туда набивается самая непрезентабельная баденская публика, охочая до “халявы”. На верхних же этажах казино иногда празднуют роскошные русские свадьбы с дебелыми невестами, под пьяные крики, песни “под Пугачеву”, с сотнями приезжих гостей.

Если прочитать первую страницу тургеневского “Дыма”, вы почувствуете тот дух Бадена, который еще не выветрился. Каждый вечер перед казино зажигаются газовые фонари, отбрасывающие теплый, мерцающий свет.

Пожалуй, самое благородное место в казино — концертный зал, где частенько проходят концерты местного оркестра средней руки, а раньше выступали и Лист, и Брамс, и Мендельсон, и Штраус. Среди усталых респектабельных музыкантов иногда попадается и живая, талантливая молодежь (в основном японцы), обкатывающая здесь, в “культурном и богатом” центре Европы, свои программы. Иногда в отеле “Атлантик” (бывший “Англетер”) проходят прекрасные концерты молодых исполнителей, полных огня и любви к своему делу. Пресыщенная публика, попивая шампанское или вино, лениво слушает, благородно кладет по 5 евро в общую кассу за 2-часовое выступление и переходит, очень довольная, в казино играть на миллионы. А молодые музыканты с инструментами за спиной спортивным шагом шествуют по городу — выбирают кафе, где потратить свой мизерный гонорар.

Русских здесь до сих пор очень много. По слухам, в го-

роде живет около 500(!) русских миллионеров. Общее мнение: самые богатые — это русские. Жадные, грубые, примитивные. Давно уже нет тут русского культурного общества времен Тургенева. “Русские немцы”, приехавшие из Казахстана и с Урала целыми деревнями, чуть ли не с лошадьми и коровами, устроились здесь основательно. Владеют лечебными заведениями и туристическими фирмами, торгуют недвижимостью и проститутками. У них все “схвачено”, и встреча немецких законов с русским воровством проходит на удивление гладко...

Знаменитые термальные источники Баден-Бадена, открытые римлянами еще в начале новой эры, популярны и сейчас. Есть старый бассейн “Фридрихсбад”, где мужские и женские купальни расходятся от центра в обе стороны симметрично, где мозаичные панно и витражные потолки. Там скучно, как в опустевшем музее. В конце процедуры тебя заворачивают в простыню, и ты спишь полчаса. В тот единственный раз, что я там была, пока я плавала, русская служительница ukrала у меня из ящика с вещами 50 евро. Больше я туда не хожу. Второй комплекс “Каракаллы” — современный, с массажными струями, холодными и горячими бассейнами — очень популярен. К сожалению, из-за популярности термальная вода щедро сдобрена хлором и прочей химией. Бассейны наполнены целующимися парочками и важными накрашенными дамами с высокими прическами, порою упрятыми в са-

мые нелепые купальные шапочки. Редко встречаются восточные женщины в черных трико.

Восточные мужчины же, оставив своих смуглых жен и детей, стремятся в сауны — вдоволь насмотреться на европейских женщин в неглиже.

С изобразительным искусством в Бадене “слабовато”, если не прибегать к более сильным выражениям. Есть частный музей “Фрида Бурда”, создатель музея (помните журнал “Бурда”? Владелица журнала — его мать) — собиратель немецкого искусства XX века: Кандинский, Базелиц, Нольде, Хундертвассер, Миро, Рихтер, Польке. Постоянной экспозиции нет, только выставки — по немецки жесткие, холодные. Последняя выставка Рихтера, посвященная лагерям и фашизму, с раскатанными по огромным холстам бордовой краской и песком, имитирующими кровь, была чудовищна. Есть небольшой городской музей, где выставлены жидкие акварельные пейзажи Бадена да пара странных бюстов. Музей Фаберже, основанный русским коллекционером, где за баснословную плату можно посмотреть две с половиной витрины. “Музей Фриды Кало” — точная копия ее дома в Мехико, и все картины — копии, сделанные китайскими копиистами (отец Фриды был родом из Бадена).

Зато витрины магазинов и галереи впечатляют! Царит слащавая безвкусица — отличительная черта немецкого мещанства. Всевозможные розочки, сердечки и ангелочки всех цветов и размеров, шоколадные батончики в виде машинок

и пенисов, многочисленные футболки со звездами и стразами на груди, серебряные и золотые плащи, кеды с кружевами и золотыми носами. В витрине главной галереи города в роскошных дорогих рамах — Микки-Маус и Бриджит Бардо, да еще какой-то многоцветный переливающийся слон... Около бассейна стоит скульптура женщины с отрубленными руками (почему? своего рода Венера Милосская?), ухоженная и чистая. А в 30-ти метрах — скульптурная группа XVI века “Моление о чаше”, заросшая мхом и загаженная голубями. Дальше памятник — понурый Достоевский на приплюснутом земном шаре. Пожалуй, лишь одна доска с длинным носом — вот вам и Гоголь — русского скульптора Бурганова не дурна. Далее памятник Бисмарку, огромный, как печная труба, зажатый среди домов. Рядом с ним сладчайший памятник принцессе Луизе в стиле советского реализма. Да, все смешалось... эпохи, страны, люди...

Если говорить о русской православной церкви, здесь их две: зарубежная и Московского патриархата. Ни в одной из них христианского духа нет. Бесконечные стычки и распри, дележ и взаимные наговоры. В храм можно прийти только к Богу и лучше не смотреть по сторонам. А храм прекрасен... Еврейская же община Бадена, скандально проворовавшаяся несколько лет назад, по-прежнему исподволь продолжает свои делишки. А ведь на тротуарах Бадена хватает золотых плиточек (кстати, напоминающих вырванные золотые зубы) с именами убитых в соседнем доме евреев... Грустно

и тошно... Лихтентальский монастырь, к сожалению, тоже стал местом торговли и бизнеса (гостиничные номера в стенах монастыря, мастер-классы по эзотерике, буддийские медитации, медитации молчания с всеобщим часовым бурчанием в животе). А храм пуст. Только синие витражи, прохлада и Мадонна...

Но все же в заключение хочу сказать, что часто смотрю на дивное небо над Баденом,

покрытое легкими перистыми облаками, на розовые закаты, на серебряную змейку реки, на вековые секвойи и сосны, вспоминаю своего любимого отца и забываю о грусти, о сожалениях, об ушедших людях, о потерянных отношениях. Мокрый собачий нос тычется мне в лицо. Я вспоминаю знаменитый Акафист митрополита Трифона "Слава Богу за все!", и все встает на свои места, и можно жить дальше...